* * *

Реки твои, песчаники,
Камни твои, вода…
Птица моя — отчаянье,
Не торопись туда,
Птица моя — безвременье,
Черная простыня
На угловатом темени —
Не осуди меня.

Руки твои — торфяники,
Не вызывай огня,
Там, на горящем спальнике,
Я не усну одна.
Там, на звенящем ельнике,
Больно и горячо:
Стылые понедельники,
Тлеющее плечо.

А за плечами синяя
Еле мигает высь.
Птица моя — бессилие,
Выйди, остановись.
Птица моя — бессонница,
Пестрая болтовня, —
Если когда-то вспомнится —
Не осуди меня.

* * *

Без конца в одну реку — и вплавь, и вброд.
Без конца ржавеют внутри винты.
Я вхожу в аптекарский огород,
И стою, смотрю на его цветы.
На осу смотрю, и, увы, не жаль,
Что она умрет через два часа.
Вот рука моя, вот нога — ужаль,
Ну куда ты спешишь, оса.
Я ходила долго, искала ночь,
Но над садом этим не гасят свет.
И никто, никто мне не мог помочь,
Да и я не просила, нет.

* * *

Господи, как радостно и страшно,
Как вокруг немыслимо смотреть:
Обстановка кажется бумажной,
Только тронь — развеется на треть.
Улетит, и память уничтожит,
На минуту не нарушив тишь.
Жизнь моя, ты из бумаги тоже,
Неужели так же улетишь.

СОН

Как я красиво по течению плыву,
Ты только полюбуйся, посмотри!
Я с берега тростиночку сорву
И подержу немножечко внутри.
Внутри, во рту, внизу, под языком,
В тростиночке пустырник и глицин…
А ты, со мной пока что не знаком,
Стоишь среди кружения люцин.
И я плыву, и берег недалек,
А ты стоишь, стоишь на берегу,
Привязываешь к леске поплавок,
И на крючок сажаешь курагу, —
И самые красивые цветы,
И все невыразимые цвета…

…Ты медленно касаешься воды,
И под рукой качается вода.

* * *

С утра так тянет суховейной гарью,
Что, как подкошенная, падаю на сажу,
И сухожилья стертые не скажут
Речей наветных на иван-да-марью.

Лучей несметных злое копошенье
По жухлым листьям взращиваю лупой,
Потом ложусь, распахнутой и глупой,
И жду лесной работы разложенья.

Себя баюкаю под стрекоты пожара,
Под голову — шипящей головешкой
Слова, отброшенные пеплом на столешню,
Ну спи же, спи, пожалуйста, пожалуйста.

Но спят зимой, укутавшись сугробами,
А лето — слишком душно и воинственно.
В нем лес горит от искорки единственной,
Деревья до весны стоят безбровыми.

Не жаль же лету гордому, певучему,
Роскоши пушнины изувеченной,
Ростков, еще не видных и не встреченных,
Но подпаленных, и лежащих кучами.

И дождь вбивает сажу мне под кожу,
И забивает пеплом капилляры,
Тоску рождая по снегам полярным,
Но снегом стать он все-таки не может.

* * *

Простая арифметика печали —
Кого забыл, покинул, потерял…
Хоть слово было, кажется, в начале,
В конце только листы календаря.
А в середине — числа и оценки,
То красные, а то наоборот,
И все — в архив, на свалку, на уценку,
Быть может, еще кто-то подберет.
Глядишь, еще кому-то пригодится
Итоговый бессмысленный расчет…

И галочек чернеющие птицы
Садятся на сутулое плечо.

* * *

Я не знаю, что мне делать,
Как не вздрагивать во сне,
Если снится белый лебедь,
Одинокий белый лебедь,
И чего-то плачет мне.

Он кладет тугую шею
На души сплошной ушиб,
И лежит так без движенья,
И шипит мне,
И шипит мне,
И шипит мне
«Задуши».

Я касаюсь белых перьев,
Я ласкаю белый пух.
И от этого, наверно,
Просыпаюсь снова в первом,
И не сплю опять до двух.

* * *

Снег молча наступает. И, падая, идет.
А поверху следы. Я вся деревенею.
Ты теми же дорогами опять идешь за нею.
Твой GPS мигает. Ждет.
Не приведи Господь мне преградить твой путь,
Он неисповедим, и вектор не известен.
Ты так легко идешь, так будь со мною честен:
Не застываешь возле — иди себе, забудь.

* * *

Дерево-древо, не торопись,
Не урони на тропинку жизнь:

Яблоки зреют, потом гниют —
На это хватает пяти минут.
Яблоки просятся прямо в рот.
Женщина спелый живот несет.
Знает мужчина свою стезю,
Скупо роняет в траву слезу,
Обороняет зеленый быт,
И отвечает бесстрашно:

Быть.